

Б. Н. Лосский

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГРАБАРА

В пятницу, 5 октября, в Париже на 95-м году жизни скончался Андрей Николаевич Грабар. Если говорить о вкладе русской ученой эмиграции во всеобщую культуру, ему как византологу следует отвести место у вершины шкалы ценностей наряду с такими ее представителями, как археолог Михаил Ростовцев или социолог Питирим Сорокин.

Андрей Николаевич Грабар родился в Киеве 26 июня 1896 г. в семье юриста, занимавшего высокий пост в окружной судебной администрации. Род Грабаров происходит из северной части русской Украины, где у них было до революции семейное поместье на Черниговщине, недалеко от южной границы Курской губернии. (Однако никак не прослеживается его связь с карпато-русской

семьей, из которой вышел известный художник и искусствовед Игорь Грабарь — автор многотомных изданий «Истории русского искусства»). Мать А. Н. была дочерью и внучкой генералов из рода баронов Притвиц, выходцев из Силезии, как и деда породнившегося с ними через женитьбу фельдмаршала Дибича-Забалканского. Она родилась и выросла в Петербурге.

Думаю, что читателям будет небезынтересно узнать о двух запавших в память А. Н. эпизодах, связанных с его детскими и юношескими годами, проведенными в Киеве, где в 1914 г. он окончил гимназию с золотой медалью. Первый из них относится к 1911 г. Он помнил себя на вечернем представлении в губернском театре, где его отроческое внимание привлек блистательный ряд лож, отведенных для польской шляхты, с роскошно разодетыми и украшенными драгоценностями дамами. Зал был особо нарядным в этот день в связи с присутствием в главной ложе приехавшего из Петербурга премьер министра Столыпина. В какой-то момент поднялась всеобщая суматоха, причиной которой было смертельное ранение примерного служителя царской России.

О втором эпизоде, происшедшем два года спустя, А. Н. вспоминал не без законной гордости за своего отца, через кабинет которого проходила одна из первых инстанций дела Бейлиса, еврея ювелира (если не ошибаюсь), обвинявшегося в вымышленном черносотенцами ритуальном убийстве мальчика. В ответ на обращение к нему за советом имевшего отношение к следствию государственного чиновника (как, обойдя установленное судопроизводством правило, составить совет присяжных заседателей путем безличной жеребьевки, завербовав в него лиц, сочувствующих обвинению) совсем не отличавшийся крутым нравом Грабар-отец молча показал ему на дверь повелительным жестом. За этим последовал его перевод на другой, не имевший отношения к делу Бейлиса пост, что, однако, не помешало А. Н. довести свою прерванную служебную карьеру до должности члена кассационного департамента Сената и позже до звания сенатора. Бейлис же в конечном счете был оправдан.

Первая мировая война застала А. Н. в допризывном возрасте, однако он поступил добровольцем-санитаром на юго-западный фронт, но скоро был эвакуирован по болезни из Галиции в Киев. Там он начал свое университетское образование, которое продолжил в 1915/16 г. в Петрограде у Д. В. Айналова и закончил в Одессе у маститого ученого Н. П. Кондакова. Получив диплом о завершении высшего образования, он был причислен к рангу «оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию», что открыло дорогу его научной карьере.

Первым поприщем его исследовательской деятельности была Болгария, куда он и его мать эмигрировали в начале 1920 г. и где вскоре после приезда ему посчастливилось стать сотрудником профессора Богдана Филова. Он был принят на службу в качестве научного сотрудника в возглавляемый Филовым Софийский археологический музей. На этой должности А. Н. проработал до осени 1922 г., почти непрерывно разъезжая по стране в сопровождении

фотографа, делавшего для музея по его указаниям снимки с памятников архитектуры и живописи болгарского средневековья. Таким образом, А. Н. довелось быть собирателем и составителем первого свода монументального наследия Болгарии. Ему принадлежит также первая монография, посвященная ныне широко известному ансамблю XIII в. настенной живописи церкви в Бояне. Весь этот материал, основательно обработанный в библиотеках Франции, куда А. Н. переселился к концу 1922 г., послужил темой для докторской диссертации о болгарской средневековой живописи, которую он защитил и издал в 1928 г. в Париже. К этим же годам относится его сотрудничество с археологами Полем Пердризе и Габриэлем Милле, которые сыграли большую роль в его карьере.

Долгое время А. Н. работал в Страсбургском университете, где он преподавал (почти пятнадцать лет) поначалу русский язык, а потом историю византийского искусства. С ним жили и его родители, которые там и скончались. В Страсбурге А. Н. женился на Юлии Николаевне Ивановой, болгарке по отцу, заслуженному генералу Балканской войны. В 1928 г. она получила диплом доктора медицины и работу в местном отделении Пастеровского института. Там же родились оба их сына, Олег и Николай (для меня Олик и Коля, знакомство с семьей Грабара завязалось в 1933—1934 гг., когда я отбывал в Страсбурге воинскую повинность). Сейчас, через несколько десятилетий, я хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить горячую благодарность этой семье, подарившей мне возможность забывать о грубости казарменного быта. В атмосфере домашнего уюта я проводил у них воскресные вечера. А когда в конце злосчастной службы я слег дней на десять в госпиталь, ежедневные посещения А. Н. и заботы обо мне Ю. Н., когда я провел у них добрую неделю, помогли мне набраться сил и благополучно покинуть Страсбург.

В 1938 г. по предложению Габриэля Милле А. Н., хотя и не будучи его учеником в прямом смысле слова, унаследовал после него должность «директора занятий» в парижской *Ecole des Hautes Etudes*. В 1946 г. он был выбран профессором в *College de France*, где преподавал до выхода на пенсию в 1966 г.

До и после второй мировой войны А. Н. совершил много путешествий, связанных, разумеется, с предметом его изысканий, главным образом с искусством Византии. Его приглашали на публичные выступления в научные учреждения Старого и Нового света. Потому неудивительно, что помимо звания действительного члена парижской *Academie des Inscriptions et des Belles Lettres*, куда он был принят в 1955 г., А. Н. имел также звания члена-корреспондента национальных академий Соединенных Штатов (Бостон), Греции, Австрии, Великобритании, Болгарии, Дании, Норвегии, Сербии, доктора *honoris causa* университетов Принстона, Упсалы и Эдинбурга, не говоря уже о других званиях, полученных от учреждений и обществ, воздавших ему честь. В послевоенные годы А. Н. побывал и в России, где он и Юлия Николаевна встретили преданного друга в лице академика Лихачева.

Хочу прибавить несколько слов о Ю. Н. С середины сороковых годов и до самой своей смерти в 1977 г. она заведовала одной из лабораторий в Институте Пастера. Там же одним из ведущих сотрудников был скончавшийся в 1986 г. младший брат А. Н. — Петр Николаевич, основавший ветвь биологии, называемой иммунологией.

Многое можно было бы сказать и о двух следующих поколениях Грабаров, начиная с Олега Андреевича, только что вышедшего на пенсию профессора Гарвардского университета, получившего широкую известность в области исламизма.

Ученики А. Н., которые ценили в нем участливого наставника в их личных исследовательских начинаниях, теперь представляют цвет византологии в университетах Европы и Америки. Многие из них съехались в Париж, чтобы почтить память своего учителя на панихиде, отслуженной в соборе Александра Невского на девятый день его кончины.

Не распространяясь подробно о научном наследии Грабара в историографии европейской культуры, добавлю к нему и неожиданное приложение, связанное с унаследованным им от матери талантом к живописи. Он создал множество акварелей и рисунков, главным образом пейзажей и натюрмортов, которые были предметом его развлечения, особенно в летние месяцы на семейной даче в Нормандии. Прибавлю, что некоторые из них он подарил дирекции одной из клиник в США для благотворительного аукциона, где они были проданы за довольно высокую цену.

В год выхода А. Н. на пенсию в издательстве «Галлимар» увидели свет два роскошных тома о раннехристианском искусстве в золотой век Юстиниана, нашедшем блестящее отражение в мозаиках Равенны. В конце 60-х—начале 70-х гг. вышли в свет его богато иллюстрированные публикации об искусстве восточноевропейского средневековья, о византийских сокровищах ризницы св. Марка в Венеции и три сборника его статей, напечатанных раньше в разных изданиях. Последним его трудом была изданная в 1978 г. во французском оригинале (и в 1985 г. в испанском переводе) книга о творческих путях слитого в единый сплав искусства христианского Запада и Востока.

В последнее десятилетие А. Н. часто болел. Слабость в ногах почти приковала его к креслу, а ослабевшее зрение лишило его возможности читать и писать. По счастью, сохранился слух и способность к живому общению с детьми, внуками, друзьями. В разговорах с ними А. Н. оживлялся, проявлял большую ясность ума и точность памяти. Притом он обнаружил неослабевающий интерес к событиям дня, главным образом в разбухшей перестройкой Восточной Европе.

